

Общая газ. - 1996. - 13-19 июня - с. 11.

«Травиата» – это мечта о любви, которая ни к кому не приходит

Сезон в Большом театре завершился последней, девятой в этом году премьерой – «Травиатой».

С Владимиром Васильевым, директором и художественным руководителем ГАБТа, беседует наш корреспондент Екатерина Данилова.

– Закончился ваш первый административный сезон в Большом. Довольны ли вы собой?

– Я собой никогда не был доволен. И сейчас, естественно, тоже. Но когда работаешь, о результате не думаешь. Количественно результат большой, а качественно он не всегда тот, к которому стремишься. 80 процентов из того, что хотелось, сделано. Хотя этот сезон был работой на износ. Постоянно так работать просто нельзя.

– Какие из премьер нынешнего сезона кажутся вам удачными и надолго останутся в репертуаре Большого?

– Безусловно, «Хованщина», «Богема», «Ромео и Джульетта», «Травиата», «Укрощение строптивой». Постоянными будут вечера современной хореографии, если будут обновляться.

– Планируете ли вы ставить грандиозные балеты, к каким мы привыкли в Большом?

– Да, конечно. 25 декабря будет «Лебединое озеро».

– В вашей постановке?

– Да. «Травиата» – это тоже грандиозный спектакль. Такой, который, мне кажется, как раз и соответствует труппе Большого театра. Отличие Большого от других мировых музыкальных театров в том, что только Большой может создавать спектакль, в котором на равных участвуют и балет, и оркестр, и хор, и опера. Это театр, которому аналога нет. Может быть, только Кировский.

В Большом театре – в идеале – должно быть то, чего не увидишь на сцене других театров. Там могут быть очень интересные работы – но по отдельности опера и балет. А здесь мне хочется как раз объединить все, чтобы спектакль был единым полотном.

– Вы сказали, что этот год был работой на износ. В следующем году темп сохранится?

– Мы поняли, что так долго продолжать не сможем. На художественном совете решили, что просто обязаны выпускать два больших балета в сезон и две большие оперы. И если будут деньги, возможности и силы, то еще и маленькие спектакли. Это в два раза меньше того, что мы сделали в этом году, но в два раза больше того, что было раньше.

– Балетные сцены, которые появились в вашей «Травиате», перенесены из известного фильма-оперы Дзеффирелли «Травиата»? Там вы ведь тоже ставили (и танцевали) балетные номера.

– Я мог это сделать, но не сделал. Здесь другое решение. Балетные номера в «Травиате» Большого – это связки, которые необходимы для раскрытия самой сущности произведения. Для раскрытия этой мелодрамы – она красива, хрупка, нежна несмотря на то, что это история падшей женщины... Но история любви, о которой мечтает каждый из нас и которая не приходит ни к кому. Вот эту мечту мы попытались воплотить в спектакле.

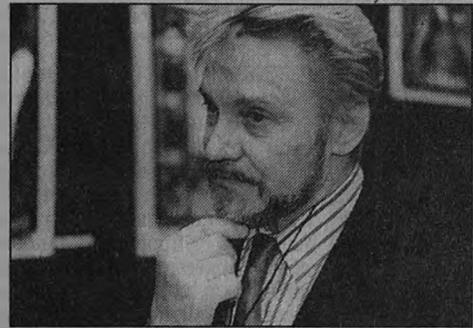
– В последних премьерах ставка делается на молодежь. Скажите, вы довольны сменой Большого?

– Кое-кем доволен. А кто-то меня поражает своей безучастностью.

– Театр перешел на контрактную систему. Вы по-прежнему думаете, что эта мера была нужна?

– У меня с самого начала были сомнения в том, что без дополнительных финансовых вливаний это даст моментальный результат. Сумма, которая нам нужна, в пять раз превышает бюджетную. Сейчас мы занимаемся поисками средств, чтобы продлить контрактную систему хотя бы еще на год. Пока ведь у нас на контракт

Руслан ЯМАЛОВ

переведены только солисты балета, оперы и административный аппарат. А все остальные получают зарплату, как и раньше. Но отказаться от контрактной системы невозможно. Невозможно жить сейчас оторванно от правил жизни всего мира.

– Как вы думаете, какую главную ошибку совершил Григорович?

– Не Григорович совершил ошибку – а те, кто вынуждал его здесь оставаться. Вообще у власти любому художнику находиться долго нельзя. Я знаю точно, что у меня будет точно такой же исход, если я буду долго сидеть в директорском кресле. Вчера вечером я написал для себя: «Не в том беда, что мыслишь о себе велико, беда, когда поверишь, что и впрямь велик». Когда художник очень долго остается у власти, его заставят поверить в свою гениальность. Окружение, которое вокруг него...

– Вы чувствуете этот мягкий прессинг?

– Поначалу все чувствуют. Если это люди честные и талантливые, они обязательно это чувствуют. Их обязательно раздражает каждое слово. Потом они привыкают и любое критическое замечание в свой адрес воспринимают как удар ножа. Особенно от близких людей.

– И сколько же вы собираетесь быть начальником?

– Когда я пришел сюда, я долго думал: какой же период должен быть. Конечно, три года и три года. Первые три года должны проявить – хороший руководитель или плохой. Если он хороший, то, очевидно, его нужно оставить на второй срок. Но после второго срока, даже если он будет гениальный, – его обязательно освободить. Это будет хорошо и для руководителя, и для труппы. Может быть, потом придет человек, от которого все взвоят и будут просить вернуться старого хурука. Или, наоборот, скажут: наконец-то свежие идеи, новое понимание. Может быть, придет человек, который сможет объять необъятное. Хотя я убежден: здесь быть хорошим руководителем и художником – для всех – невозможно. Большой – это не труппа единомышленников. Сам творческий потенциал огромный, настолько здесь разные люди... Я уже привык относиться к чему-то недовольству спокойно. Первое время для меня это было просто ужасно. Я думал: ну как же так? Я же вам отдаю всего себя, я хочу, чтобы все было хорошо, а не получается. Все равно вы недовольны, все время ищите подвох в моих формулировках, сомневаетесь в моих убеждениях. Сейчас я понял, что доказывать могу только тем, что буду делать... Большой – это императорский театр. Тут скандалы были всегда и будут. Но через прессу я выяснять отношения никогда не буду.

– Собой как художником вы довольны?

– Я не был и никогда не буду доволен. Хотя думаю, что я все-таки человек талантливый. Сейчас меня радует, когда я вижу хорошие результаты у других. Когда я просто был художником, я был эгоистом чрезвычайным. Неудача какого-то конкурента доставляла мне удовольствие: вот он провалился, а у меня что ни работа, то успех... Сейчас не то. Меня огорчает, когда у кого-то из наших артистов неудача.

– Кто из «звезд» мировой величины будет приглашен в Большой?

– У нас уже были переговоры с Питером Устиновым. В сентябре 97-го он должен ставить

«Любовь к трем апельсинам». Есть договоренность с Андреем Михалковым-Кончаловским.

– Будет ли возможность им платить по мировым расценкам?

– Будем искать деньги. А что делать? Это же не наши русские художники. Андреев должен был делать у нас «Кармен». Но на сегодняшний день у нас нет самого главного. У нас очень много певцов, но Кармен нет. Будем искать. Может быть, это будет не «Кармен», а «Аида». Или какое-то другое классическое произведение, которое просто обязано быть на сцене Большого театра. Когда мы решили ставить «Травиату», я обратился с предложением к Дзеффирелли. Я сам с ним работал и знаю, насколько это интересно, знаю его театральную версию «Травиаты». Но ответа не получил. А сейчас я уже рад, что сделал «свою» «Травиату».

– Когда видеокассеты с записями спектаклей Большого театра будут продаваться по всему миру?

– Когда у нас будут достойные постановки. Сейчас главная задача – обновлять репертуар. То, что мы сделали с «Ромео и Джульеттой», мне кажется правильным. Все-таки новое дыхание, новая кровь влилась в этот спектакль. Будет вторая сцена (она уже строится), отдадим ее под экспериментальные работы. Даже не экспериментальные, а работы новые, новых форм и, может быть, малых форм. Это не значит, что на главной сцене постоянно будут громоздкие спектакли. Это же как тяжелая пища. Она может быть очень вкусной, но есть опасность несварения желудка. И потом мы сами начнем уставать от этой громоздкости, обилия народа. Все-таки все зависит от ритма, который является основой любой жизни.

– Когда и куда вы поедете в отпуск?

– Я мечтаю об этом. Я думал, что я пойду с 1 июля. Но пока не получается. Сейчас у меня отдых – это просто переключение на другую работу. Надо готовить «Лебединое озеро». У меня будет только полтора месяца на подготовку к работе.